

Я ЕЩЕ НЕ БЫЛА ЗНАКОМА с Михаилом Михайловичем Морозовым, но уже знала и любила его по портрету Серова.

«Мика Морозов» была одной из самых любимых картин моего детства. В этом портрете ребенка, сидящего в деревянном кресле, поражала стремительность внутреннего движения, громадная ребяческая взволнованность. Эту же стремительность, острый взгляд, темперамент и волю я узнала в Михаиле Михайловиче, когда мы встретились с ним впервые в работе над «Как вам это понравится» Шекспира.

Николай Павлович Хмелев предложил мне ставить совместно с ним одну из комедий Шекспира. Он охотно соглашался на любую комедию по моему собственному усмотрению. Но когда я предложила «Как вам это понравится», Хмелев заколебался.

Мое же увлечение пьесой становилось все более определенным, и

ВЕРЬТЕ ШЕКСПИРУ!

70-летие со дня рождения
М. МОРОЗОВА

мы решили, что надо посоветоваться со знатоком Шекспира.

Я знала, что известный шекспировед Морозов — тот самый, с детства мне знакомый серовский Мика Морозов. Но я не думала найти сходство. Прошло более тридцати лет, и вдруг я увидела, что передо мной стоит большой, немного грузный человек, в глазах которого было что-то поразительно напоминавшее мальчика, рвущегося куда-то со стремительной энергией вперед.

Что-то самое существенное в будущем человеке схватил Серов, и что-то самое существенное в себе сумел пронести через всю свою жизнь Михаил Михайлович.

Морозов не только поддержал меня в выборе пьесы — он буквально обрушил на меня такие запасы жизнерадостной веры в то, что именно

данное произведение ждет своего воплощения на сцене, что я ушла от него счастливой и уверенной.

Он говорил о действующих лицах так, как можно говорить о своих знакомых, с которыми постоянно общаешься. Одних он любил, других ненавидел, к третьим относился с уважением, четвертых презирал...

Морозов помогал нам раскрывать душу произведения, не только уточняя текст Шекспира. Он с необычной чуткостью проникался и одновременно влиял на замысел режиссера и художника.

Помню один из самых первых прогонов спектакля.

И Хмелева, и меня беспокоила комедийная сцена Корина — Лекарева и Шута — Фивейского. Она казалась нам не смешной. Реакция

Михаила Михайловича поразила нас. Он громко, от всей души смеялся.

— Вы думаете, публика будет принимать эту сцену? — спросили мы с сомнением.

— Верьте Шекспиру! — уверенно ответил Михаил Михайлович. Он оказался прав.

Я навсегда запомнила слова Михаила Михайловича: «Верьте Шекспиру». И глубоко убеждена в том, что все наши успехи в области постановок шекспировских пьес и все недостатки зиждятся на одном: впитали ли мы или нет урок, преподанный нам, советским режиссерам и актерам, Михаилом Михайловичем Морозовым.

Верьте Шекспиру!

М. КНЕБЕЛЬ.

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

г. Москва

25 ФЕВ 1967